

**Тимошенко В.П.
(Екатеринбург)**

Мегапроект «Урал промышленный – Урал полярный» в предметно-тематическом ракурсе исторической науки*

На фоне дискуссий о преодолении сырьевой направленности российской экономики, разработки планов и программ проведения активной структурной политики в направлении увеличения роли и места наукоемких – по преимуществу несырьевых секторов (в рамках так называемого перераспределительного подхода) – по-прежнему происходит дальнейшее усиление и возрастание роли сырьевого сектора. Данная тенденция свидетельствует не столько о том, насколько плоха структура российской экономики, сколько характеризует неадекватность подходов (в теории и на практике) к оценке и осмыслению роли и места минерально-сырьевого комплекса в современной экономике и, соответственно, формированию работоспособной системы управления природно-ресурсным потенциалом в интересах решения социально-экономических проблем страны и отдельных ее территорий (в том числе и северных). Наша точка зрения состоит в том, что современный сырьевой сектор может стать одним из ведущих генераторов спроса на наукоемкие продукты и технологии, а также может служить одним из важнейших факторов формирования современной структуры экономики России. О возможности развития ситуации в данном направлении убедительно свидетельствует опыт таких ресурсодобывающих стран, как США, Австралия, Норвегия, Соединенное Королевство. Однако реализация подобной потенциальной возможности связана не только с переосмыслением роли и места минерально-сырьевых ресурсов в социально-экономическом развитии, но также и с переоценкой роли и места регионов в решении подобных задач. Речь идет, прежде всего, о формировании системы устойчивых институтов, обеспечивающих общественно-эффективное использование минерально-сырьевых ресурсов. Решить комплекс данных проблем без активного вовлечения северных территорий (в лице не только органов власти регионального уровня, но также и органов местного самоуправления,

* Выполнено в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 09-01-83113 а/у.

общественных организаций и различных групп населения – прежде всего коренных малочисленных народов Севера) не представляется возможным. Акцент на централизованное бюрократическое решение данной проблемы в рамках проводимой в настоящее время в стране административной реформы дееспособен только в случае разработки ранее вовлеченных в хозяйственный оборот высокоэффективных месторождений нефти и газа.

Российский север стоит перед необходимостью выбора стратегии своего развития. При этом реально выбор осуществляется между двумя сценариями:

- сценарием экстенсивной разработки сырьевых источников на основе уже имеющейся технологической базы;
- сценарием инновационной перестройки всей технологической платформы.

Идея программы «Урал промышленный – Урал полярный» возникла в рамках этого выбора и с самого начала вызвала неоднозначные оценки (1).

Органы власти Уральского федерального округа и входящих в него регионов увидели в ней важную организационную предпосылку интеграции сырьевой базы ЯНАО, ХМАО, индустриального ядра Среднего и Южного Урала и аграрного пояса юга Тюменской области, Курганской, Челябинской и Свердловской областей, выступили инициаторами разработки программы и эффективными лоббистами ее запуска (2). На этой основе Уральский федеральный округ способен трансформироваться из района с утяжеленной структурой хозяйственного комплекса в один из центров структурной динамики, где на новом технологическом укладе базируется новое качество жизни и решаются накопившиеся за десятилетия проблемы. Таким представляется вектор стратегических преобразований, полностью отвечающий национально-государственным интересам России.

Мегапроект «Урал промышленный – Урал полярный» в качестве крупной народнохозяйственной программы стартовал в 2002 г. Начались масштабные геолого-изыскательские и проектно-технические работы. Научные обсуждения проблемы состоялись на выездном заседании Президиума УрО РАН в г. Салехарде (июнь 2006 г.) (3), на общем собрании УрО РАН (декабрь 2007 г.) (4). В сфере социальных наук проблема пока не выделилась в самостоятельное исследовательское направление. Представители академической науки

пока высказывают осторожные оценки мегапроекта. Существует опасение, что недостаточно обоснованный и непроработанный проект масштабного освоения минеральных ресурсов Севера приведет к воспроизведению ошибок советского периода и закрепит экономически неэффективную сырьевую специализацию региона. Как и программы освоения Сибири 1950–1960-х гг., мегапроект «Урал промышленный – Урал полярный» создаст емкий внутренний рынок для уральской индустрии, особенно при реализации проектов транспортного строительства. Будут решены многие (в том числе и социальные) проблемы индустриальных территорий. В то же время в технологически устаревших и экологически грязных базовых отраслях индустрии исчезнут на неопределенное время стимулы для перехода к энерго-, сырье- и трудосберегающим технологиям.

Проект требует существенной доработки, эта проблема обсуждалась на заседании ученых «Транспортный коридор «Урал промышленный – Урал полярный»: взгляд в будущее», прошедшем в Институте экономики УрО РАН 20 февраля 2007 г. (5). Участники совещания пришли к выводу, что в проекте наметились значительные перекосы, на передний план вышел промышленный и политический аспект, оттеснив проблемы, связанные с социальной составляющей, экологией и природопользованием. В результате исключен комплексный подход в подготовке проекта, тогда как изначально планировалось детально изучить горную и экосистему Урала. Необходима очень тщательная экспертиза ресурсного потенциала территорий, подлежащих освоению, и возможных рисков для окружающей среды. При этом регион нельзя «разрывать» по административному принципу, в проект необходимо включить «соседей» — Пермский край и Республику Коми, обладающих богатой сырьевой базой.

В связи с этим изучение преемственности стратегий социально-экономического развития Полярного Урала и сопредельных территорий, реализованных в XX веке приобретает особое значение. Исходя из понимания регионального развития как поощряемой и спонсируемой государством индустриализации территорий, Россия на протяжении многих десятков лет, обустривая свои регионы, выступала в них проектировщиком, инвестором и предпринимателем, реализуя разного рода инженерно-строительные и институциональные проекты, согласуя их с общим проектом страны, которой не было, но которую хотелось иметь. Отсюда – гигантские

промышленные стройки, финансируемые из госбюджета, различные миграционные программы, перемещавшие по стране миллионы людей, тщательное и последовательное изучение природных ресурсов территорий, строительство транспортных путей, становящихся «каркасом» индустрии. В результате государственной индустриальной модернизации в России в прошлом веке сформировались система инфраструктур, составляющих «каркас» индустрии, система расселения, а также административно-государственного деления страны, поддерживающие технологическую связанность территориальных производственных комплексов и обеспечивающие переток «ресурсов развития» внутри национальных границ. Эти процессы получили отражение в исторических исследованиях.

И, тем не менее, проблемы межрегионального соперничества на уровне планирования, капиталовложений, размещения производства в советскую эпоху, подведения итогов промышленного развития, координации внутрирегионального промышленного развития – слабо, либо совсем не отражены в исторической литературе (6). Методология и методика исторической экспертизы эффективности социально-экономических программ развития Северного Урала в XX в. и современных стратегий только находится в стадии разработки.

В последние годы возникшая в историческом прошлом структурная диспропорция в социально-экономической системе Полярного Урала и сопредельных территорий в ходе рыночных реформ не была сглажена, напротив, произошло дальнейшее утяжеление структуры промышленности в сочетании с усилением антропогенной нагрузки на социальную и экологическую систему. Кроме того, процесс реформирования экономики для крупных территориально-промышленных комплексов был связан со старением основных производственных фондов и объектов инфраструктуры, возрастанием риска производственных аварий и техногенных катастроф. С другой стороны, функционирование крупных сырьевых комплексов отличается сильной подверженностью влияния внешних факторов на уровень социально-экономического благополучия территории. Изменения в отраслевой конъюнктуре, происходившие в течение XX века приводили к существенным, а зачастую и критическим, последствиям для конкретной моноспециализированной территории.

При расширении масштабов промышленного освоения

Полярного Урала важно учитывать реализованные и обсуждавшиеся в прошлом стратегии развития. Изучение практики принятия решений, аргументации в пользу выбора тех или иных проектов, исследований и дискуссий по масштабам и последствиям реализации программ, является необходимой научной основой для создания системы исторической экспертизы современных планов освоения Полярного Урала.

При планировании и проектировании отдельных программ в рамках мегапроекта «Урал промышленный – Урал полярный» принципиальное значение имеет использование исторического опыта индустриального развития территории в предшествующие эпохи. В настоящее время, объективно возросшее геостратегическое и экономическое значение Арктики в жизни страны, перспективное расширение ареалов добычи углеводородного сырья и развитие новых направлений эксплуатации минерального сырья, повышенное внимание к традиционному промысловому сектору существенно усложняют структуру региональной экономики Полярного Урала, что предъявляет неизмеримо более высокие требования к развитию систем транспортных коммуникаций и инфраструктурного обеспечения. Стратегическое проектирование будущих направлений развития территории сегодня неотделимо от формирования рациональных схем новых (или основательно забытых) транспортных «коридоров» и инфраструктурных систем общеэкономического значения – причем с учетом совершенно новых условий внешнеэкономической, коммуникационной и гуманитарной «открытости» страны (7). В этом отношении предшествующий опыт по разработке и реализации стратегий транспортного и промышленного освоения для регионов Севера способен обрести вторую жизнь.

Исторический опыт эволюции политики и практики освоения ресурсного потенциала Полярного Урала предметно просматривается через призму двух конфликтующих сценариев: ресурсного и инновационного.

Последствия реализации первого сценария очевидны. Они позволяют поддерживать стабильность в стране, которая зависит от наличия сырьевых потоков для внутреннего и внешнего потребления. Наиболее серьезную угрозу развитию, согласно этому сценарию, создавало рассогласование темпов индустриализации на разных территориях, выражавшееся в плохой транспортной связанности

последних, во внутренних административных барьерах, в коммунальной необустроенности пространства для жизни людей. Все это не позволяло в полной мере использовать естественные ресурсы страны, препятствовало общенациональному промышленному росту и служило источником острейших социальных противоречий, а потому побуждало государство проводить активную региональную политику. Ее основной целью стало выравнивание уровня индустриального развития различных территорий, а инструментом – компенсация государством недостатка предпринимательской активности населения данных территорий.

При этом перспектива реализации инновационного сценария под вопросом. Простое восстановление имевших место планов развития Севера в советскую эпоху нереалистично. Прежде всего, потому что мобилизационные машины, создававшиеся в разные годы в целях освоения этого огромного региона, и опиравшиеся либо на мотивацию свободы, либо на прямое принуждение, исчерпали свои возможности, а имеющихся финансовых ресурсов и экономической мотивации для программ «нового освоения» явно недостаточно (8). Контуры второго сценария и институты, заинтересованные в его развитии, весьма проблематичны. Эти контуры просматриваются в острых научных и политических дискуссиях 1920 – 1930-х, 1940 – 1950-х гг. Мотивация, система аргументации и оценки целесообразности принимаемых решений не утратили актуальности в современных поисках разумно-достаточных решений освоения минерально-сырьевой базы Полярного Урала.

Итак, выбор стратегии развития теснейшим образом связан как с проблемой переинтерпретации старого опыта, так и с проблемой трансформации старых активов. И если второй компоненте уделяется в научных работах и практике государственного управления значительное внимание, то первой вообще никакого; вероятно, подразумевается, что эта перекройка старого знания может произойти без усилий, автоматически. Между тем, это, конечно, далеко не так. Необходимо кропотливое изучение исторического измерения процессов освоения ресурсного потенциала страны, обобщение исторического опыта в интересах проведения эффективной структурной политики.

1. См.: Тимошенко В.П. Индустриализация – рецепт развития уходящей эпохи? (Обзор дискуссии вокруг мегапроекта «Урал промышленный – Урал полярный») // Уральский исторический вестник. 2007. №16. С. 80-88.

2. Урал промышленный – Урал полярный. Российская газета. Приложение «Регионы РФ» (Уральский федеральный округ). 2007. 23 октября.
3. Тезисы докладов участников выездного заседания Президиума УрО РАН в г. Салехард. Салехард, 2006.
4. Урал промышленный – Урал полярный: история и современность // Вестник УрО РАН. 2006. №4. С. 3-10.
5. Материалы круглого стола на тему: Транспортный коридор «Урал промышленный – Урал полярный»: взгляд в будущее // Экономика региона. Тематическое приложение. 2007. №2(10).
6. Арктика и Россия: стратегия будущего / С.Е.Алексеев, Е.Т.Артемов, В.П.Тимошенко // Вестник УрО РАН. Екатеринбург, 2005. №3. С. 3-6.
7. Алексеев В.В., Тимошенко В.П. Исторические исследования как ресурс устойчивого развития Ямало-Ненецкого автономного округа // Уральский исторический вестник. 2006. №13. С. 16-26
8. Исследования социально-экономических последствий реализации программы «Урал промышленный – Урал полярный». Тюмень, 2006. С. 13-14.

Федяшин В.П.
(Уфа)

Неотвратимость наказания на фронтах гражданской войны и иностранной военной интервенции в России

Идея неотвратимости наказания за противоправное деяние, а равно ее воплощение в реальной жизни преследует человечество с самого момента его возникновения. Все действующее законодательство всех народов и всех исторических времен ничего бы не стоило, если бы не существовала практика воплощения неотвратимости наказания по каждому противоправному деянию. Попутно заметим, что в нашу задачу входит лишь исследование неотвратимости наказания за нарушение норм права. В то же время следует не забывать точку зрения, что «право есть минимум нравственности вообще» (1).

Поэтому мы исключаем (в разумных пределах) моральную составляющую неотвратимости наказания, поскольку это касается таких широких пределов моральности поведения и духовности каждого человека (2), что не позволит нам развернуться в этом вопросе в рамках краткой научной публикации. На наш взгляд, возмездие за противоправное поведение это лишь составная часть